

С.П. Швецов

ЭТНОГРАФИЯ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО*

Народное хозяйство нашей страны находится в настоящее время, как известно, в совершенно особенных, исключительных условиях. Не только потому оно занимает такое положение, что еще не успело оправиться от пережитых им глубочайших потрясений и изменений, последовавших вследствие тяжелых и продолжительных войн, — мировой и гражданской, захвативших почти десятилетие, а потому — и это, может быть, главное, — что оно теперь имеет совершенно иное построение, чем раньше. В основу современного народного хозяйства, прежде слагавшегося, как результат стихийных хозяйственных процессов, теперь кладется государством начало плановости, как по отношению организации его, так и самого ведения, направления, так сказать, внутреннего содержания его, принцип, столь широкого и многообразного применения которого не знает ни одна страна в мире.

Вот это то обстоятельство — плановость, как основа народного хозяйства и всей народнохозяйственной деятельности в Союзе выдвигает на первое место ряд вопросов, ранее не возбуждавшихся вовсе или, если и поднимавшихся, то в иной постановке и другом освещении. Это вопросы, говоря вообще, весьма разнообразные по своему характеру, значению и, так сказать, удельному весу, связанные с наиболее рациональным и успешным проведением планового начала в народнохозяйственной жизни.

В ряду других занимает свое место и вопрос о взаимоотношениях экономики страны и ее быта. Первая — экономика — дает материал и приемы для народнохозяйственных настроений, второй — быт — является той средой, в которой протекают все народно-хозяйственные процессы, не всегда от-

* Публикуется по: Швецов С.П. Этнография и народное хозяйство: статья // ГАИО. Ф.р-565. Оп. 1. Д. 140. 16 л.

делимые от нее, или, что тоже в данном случае, от быта, его типичных сторон и особенностей.

Игнорирование быта при плановом строительстве народно-хозяйственных отношений может отразиться на нем чрезвычайно неблагоприятно, как и обратно: мероприятия, касающиеся быта, не должны игнорировать современной экономики, могущей при этом весьма пострадать. Это значило бы, как в том, так и в другом случае рисковать впасть в грубейшие ошибки, могущие одинаково болезненно отозваться как на экономике населения, так и его быте, что вряд ли желательно с какой бы то ни было точки зрения.

К сожалению, на практике нередко наблюдается, как то, так и другое. Этому есть, конечно, свои причины, но не в них в данную минуту дело, а в самом факте существования определенных взаимоотношений между экономикой данной страны и бытовыми формами ее населения, игнорирование которых может породить болезненные явления.

Вот на этой-то внутренней связи экономики и быта, для поверхностного взгляда не всегда ясной и заметной, нам и хотелось бы задержать на некоторое время внимание читателя.

Возьмем для примера простейший случай колонизации кочевых районов земледельцами, благо печальной памяти бывшее в царское время переселенческое управление дает неисчерпаемый этого рода материал.

Практическое разрешение этого вопроса ближайшим образом затрагивает две стороны, интересы которых не только совпадают, но чаще всего диаметрально противоположны: кочевников-скотоводов, аборигенов страны и оседлых земледельцев, пришлецов в данную местность со стороны.

Пришлецам должны быть даны земли, на которых они могли бы вести хозяйство в достаточных размерах. Их интерес заключается в том, чтобы им было предоставлено достаточное количество удобных земель, хорошего качества, благоприятно, с общехозяйственной точки зрения, расположенных, пользование которыми было бы ограждено от всех покушений на него со стороны. Откуда же эти земли могут быть взяты? Какие земли могут быть в этом случае обращены под колонизацию

приходящих со стороны оседлых земледельцев? Это основной вопрос, от правильного разрешения которого зависят судьбы не только колонизируемого населения, но и коренных обитателей страны, кочевников-скотоводов. Вот тут то мы как раз и подойдем вплотную к этнографии, к соотношениям между бытом и экономикой, бытом и экономической политикой.

Одно из двух: или в данной местности есть свободные, так называемые пустующие, никому не принадлежащие земли или их нет, а все земли кем-то ранее заняты для хозяйственного пользования, кем-то уже «освоены», употребляя модное выражение, чем определяется сумма каких-то прав на них со стороны их «освоивших».

Первый случай простейший, не порождающий никаких сомнений, вопросов и т.п. и поэтому может быть совершенно в данном случае не принимаем во внимание.

Но все-таки случай, позволяю себе утверждать это, довольно редкий, исключительный. Такие земли, конечно, есть, их даже очень много, что сибирякам известно лучше, чем кому-либо, — достаточно вспомнить бесконечные сибирские леса — урманы, тайгу, — с их «прогалинами», «бельняками» и т.п. Да, таких пустующих земель в той же Сибири имеется многие и многие тысячи — даже не десятин, а квадратных километров, миль или любого иного наименования единиц измерения земельных пространств. Тут не может быть никаких сомнений.

К сожалению, все эти миллионы и десятки миллионов земельных единиц различных наименований для целей непосредственной оседло-земледельческой колонизации, за редкими исключениями, совершенно не пригодны. Нужна предварительная затрата — и большая — человеческого труда, чтобы привести эти, на поверхностный взгляд «пустующие» земли в тот вид, при котором они только и могут быть пригодными для земледельческой колонизации.

Но часто вот тут же, рядом, расположены обширные пространства, также «пустующие», но почему-то считающиеся за кочевниками-скотоводами. Нельзя ли их обратить под колонизацию? И к чему такое обилие земли дикому кочевнику, когда

самое кочевание все равно историей осуждено на исчезновение: не может же бурят или киргиз навсегда оставаться «диким»? А раз ему приходится расставаться со своей дикостью, ему все равно придется расстаться и с любезным его сердцу кочеванием, которое не совместимо с развитием, и перейти к земледелию и оседлости. Тогда у теперешних кочевников останутся излишки земли, и будет этих излишков многие миллионы каких то земельных единиц. Таким образом, как будто и «колонизация» процветет без всяких с нашей стороны усилий по подготовке для нее еще «неосвоенных» человеком земель, и «дикие кочевники», силою вещей, будут подняты на высшую ступень культурного развития и опять таки без каких либо усилий с нашей стороны! Как ни взгляни, повсюду превосходно.

Но, по выражению Л.Н. Толстого, «гладко писано в бумаге, да забыли про овраги»¹ ...а «оврагов» тут — хоть отбавляй! Куда ни сунешься, непременно напорешься на них. В конце концов, как это убедительнейше доказала десятилетняя практика царского переселенческого управления, вместо колониционного Эльдорадо, о котором «на все лады и тоны» распевалось переселенческими соловьями в ежегодных отчетах и других изданиях переселенческого управления, на поверку, оказалось, черт знает, что: переселенцы часто не устраивались, создавались какие-то фантастические поселки, в которых сколько не «водворяли» переселенцев, зачисляя за ними «земельные доли», поселки все оставались не заселенными, а «земельные доли» свободными! Повторилась история с «неразменным рублем», с тою разницею, что этот пресловутый «рубль» имел тенденцию достаток «нести в дом» его обладателя, а незаселяемый поселок — «нес из дому», разоряя селившихся в нем переселенцев и заставляя их «бежать без оглядки», — куда? А «куда глаза глядят», по остроумному определению самих переселенцев.

Это в одном направлении, — «по линии устройства переселенцев на “новых местах”». Не лучше и в другом направлении, — «по линии поднятия» на высшую культурную ступень «диких кочевников» — бурят, киргиз, алтайцев и т.д. и т.д. Они оставались по-прежнему кочевниками-скотоводами, но и отня-

тие у них земель под земледельческую колонизацию, которая, разоряя их материально, ничуть не делало их земледельцами, перешедшими от кочевого быта к оседло-земледельческому. Иными словами, результаты получились отрицательные.

И это только потому, с одной стороны, что при разрешении такого спорного и чреватого всякими неблагоприятными последствиями вопроса, как организация оседло-земледельческой колонизации в кочевых районах, совершенно не принимались во внимание этнографические особенности кочевого быта и не совпадение их с бытом оседло-земледельческим, что на практике приводило к искусственному сшибанию лбами, если модно так выразиться, представителей двух совершенно отличных форм быта, отчего, в лучшем случае, у них «сыпались из глаз искры», а в худшем — приводило к потокам крови, как это наблюдалось в некоторых губерниях теперешнего Казакстана² незадолго до революции.

Своевременное обращение к этнографии удержало бы от многого, чем так печально прославилось бывшее переселенческое управление. «Быт» не есть нечто случайное, а тем более произвольное, легко изменяемое и устранимое; он слагается чрезвычайно медленно, путем особого молекулярного процесса во всем укладе жизни хозяйствующего человека, для глаза совершенно незаметного, его изменения могут наблюдаться лишь путем сравнений и сопоставлений во времени; он является как неотвратимый результат длительных взаимоотношений живущего и хозяйствующего человека и окружающей природы, создающих как хозяйственные формы, так и формы общения людей между собой, которые находятся в полной гармонии с окружающей природой и живущим и действующим в ее обстановке человеком; общественные и хозяйственные формы, как и то, что мы называем бытом, в своем образовании, изменениях и развитии строго подчинено явлениям законосообразности и т.д. и т.д.

Обращение к этнографии указало бы, что представление о ходе хозяйственно-культурного развития человечества, как последовательной и обязательной смене трех бытовых стадий, всегда следующих в одном порядке — охота, пастушество,

земледелие — в настоящее время является представлением ложным, пережитком былых воззрений, не согласующихся с уровнем современных знаний о прошлом человечества, развитии его культурно-хозяйственных и бытовых форм.

Хозяйственные формы находятся в теснейшей зависимости от окружающей естественно-исторической обстановки: есть местности, где никакое земледелие, по крайней мере при современном уровне знаний, невозможно, но они как бы созданы для широкого развития в них скотоводства. Это наблюдается, между прочим, относительно значительной части нынешнего Казакстана. И было бы великой нелепостью строить его народное хозяйство не в направлении создания условий, благоприятных для развития скотоводства и рационализации последнего, а в расчете на неизбежность перехода от скотоводства к земледелию и от современных господствующих в стране хозяйственных форм к оседло-земледельческому быту. Ничего, кроме разорения скотоводческого населения, от подобного «строительства», конечно, не могло бы получиться. А между тем именно теперь, в наши дни, и можно слышать такие речи. И что, может быть, курьезнее всего, они говорятся в подтверждение положения, что Казакстан, по условиям своей природы, должен быть крупнейшим для Союза сырьевым рынком, дающим, главным образом, продукты скотоводства — кожи, шерсть, масла и т.д.

Как же сочетать это с предрассудком о якобы неизбежности перехода казахстанского скотоводческо-кочевого хозяйства в оседлое земледельческое, а потому необходимости всемерного содействия такому переходу? На это можно сказать одно: с невежеством можно и должно бороться знанием, а когда встречаешься с глупостью или недобросовестностью, то всякие ссылки на положительное знание, рекомендация этнографии и т.п. напоминало бы мало веселое и неостроумное занятие «толчения воды в ступе». Но нам, сибирякам, в силу вещей, очень часто приходится этим заниматься.

Для некоторых граждан, «беззаботных по части знаний», является непреложным, что повсюду земледелию предшествовало скотоводство, оседло-земледельческому быту — быт

пастушеский и т.д. Этнография же нам говорит, что не только далеко не везде так было, но что по времени, местами по крайней мере, приручению животных, а, следовательно, и скотоводству предшествовало, так сказать, одомашнение диких растений и их выращивание, т.е. начало земледелия. Вот тут и строй народное хозяйство в расчете на неуклонную обязательность перехода хозяйства от скотоводческих форм к земледельческим! Нет, плановое строительство народного хозяйства требует хороших знаний и в частности — знаний этнографического порядка.

Но еще два-три примера. Мне в данное время, по условиям моей работы, приходится довольно много возиться с разным экономико-этнографическим материалом, относящимся к казакам (киргизам). Вот им-то я и позволю себе воспользоваться для иллюстрации некоторых положений, мною здесь высказываемых.

Типичное казакское (киргизское) хозяйство наших дней — хозяйство, во-первых, скотоводческое или скотоводческо-земледельческое, в котором земледелие играет второстепенную роль. Во-вторых, оно кочевое по преимуществу в большей части Казакстана. Только в северной полосе кочевка за последние четверть века сильно сократилась, местами почти сошла на нет под влиянием переселенческой колонизации, усиленно проводившейся в предреволюционный период; в южных уездах процесс изменений в направлении и размерах кочевков совершается гораздо медленнее.

Для многих кочевание скотоводов по степным и горным пространствам является синонимом хозяйственной отсталости, невежества и «дикости», а потому они готовы приветствовать, в одних случаях, непосредственно проводить — в других, всякие практические меры, направленные к сокращению, а еще лучше — к полному уничтожению кочеваний, хозяйственно, по их мнению, невыгодных, культурно-убыточных, как бы осуждающих кочевников на вечную отсталость и дикость.

Так ли это? В какой степени отношение к кочеванию и кочевому быту правильно, и в какой степени оно является плодом и в лучшем случае недоразумением? Попробуем разобраться.

Почему скотовод наших необъятных степей — бурят, казак, калмык — держится кочевого хозяйства и не переходит к оседлому образу жизни? Не потому же, разумеется, что он, как иногда приходится слышать, «лентяй», «не любит работать», «привык от нечего делать шляться по степи» и т.д. На такую, с позволения сказать, «аргументацию» не следует, конечно, обращать внимания и нужно проходить мимо нее. Но сам по себе вопрос о причине существования кочевого хозяйства и быта, как широко распространенного явления в нашей стране во второй четверти XX века, века невиданных до сих пор социальных революций, вполне законен и уместен. В самом деле, не стоим ли мы в этом случае перед каким-то поразительным анахронизмом, вызываемым только нашей хозяйственной и культурной отсталостью и беспросветным невежеством?

Скотовод наших дней, как и всех других времен, кочует исключительно потому, что недостаток кормов в южных степях заставляет скот переходить за свежим кормом с места на место, весной и летом с юга на север, а осенью — с севера на юг; за скотом вынужден передвигаться и его владелец, стерегущий его, пользующийся от него различными продуктами и проч. Таким образом складывается то своеобразное хозяйство, постоянно меняющее место, подвижное, как бы не знающее покоя, которое известно под именем кочевого. Мало того, оно накладывает свой резкий отпечаток едва ли не на все стороны жизни ведущего такое хозяйство человека и создает то весьма сложное, крепкое и прочное, веками слагавшееся и веками испытанное, что носит название кочевого быта.

Кочевое хозяйство, кочевой быт возникают и развиваются под влиянием окружающей природы, своеобразной и скудной, вынуждающей человека вести подвижное хозяйство. И при этом условии он оживляет эту скудную природу, разводит обширные стада разнообразного скота, дающего возможность не только ему самому существовать, но и прокармливать других, не могущих заниматься скотоводством. Данная природа такова, что она требует подвижного хозяйства; подвижное хозяйство создает в свою очередь, своеобразные, отвечающие ему формы общественных отношений, быта.

Вот что показывает нам этнография, что, благодаря ей, мы научаемся понимать, а понимая — ценить. И она же удерживает нас от легкомысленного отношения к чуждым нам, оседлым жителям, подвижным формам хозяйства и порождающему им быту, столь непохожему на наш, опирающийся на недвижимое по отношению территории хозяйство и оседлые формы жизни.

Лишите хозяйство скотовода-кочевника наших южных степей необходимой ему территориальной подвижности — и оно погибнет, как не могущее существовать, будучи прикрепленным к одному месту. И те самые необозримые степи, на которых выращивается и пасется такое количество скота, дающего народному и, через него, мировому хозяйству такое количество разнообразного животного сырья, что целые страны как Казакстан, могут рассматриваться, как сырьевые рынки, — превратятся в безлюдные пустыни, если их хозяйство лишить какими либо мерами постоянного перемещения с места на место.

В известной среде у нас глубоко и прочно усвоен один из вреднейших предрассудков, позволяющих смотреть на кочевое хозяйство, как на до последней степени отсталое, «дикое», а потому и убыточное, как требующее, между прочим, обширных земельных пространств. Здоровая экономическая политика это легко может устранить, создав условия, хотя бы через ограничения кочевников в землепользовании, при которых они перешли бы к оседлому ведению хозяйства, что их сразу поставило бы на высшую ступень культурно-хозяйственного развития.

Один, может быть, из наиболее вдумчивых наблюдателей кочевого хозяйства в современном Казакстане, ныне покойный профессор К.А. Вернер³, имевший случай в течение ряда лет наблюдать казакское (киргизское) кочевое хозяйство, пришел к заключению, что все такие характеристики как «отсталое», «дикое» и проч. Хозяйство по отношению казаков продиктованы заблуждением и недоразумением. Он находит, что казакское хозяйство дает образчик поразительной гармонии между его приемами и особенностями окружающей природы. Казакское хозяйство удивительно приспособлено к

этим своеобразным особенностям, умело используя их с максимальной для себя выгодностью. Поэтому казакское хозяйство ни в коем случае не может быть рассматриваемо ни как «дикое», ни как убыточное.

К тем же выводам приходили и другие наблюдатели кочевого хозяйства наших степей, как Ф.А. Щербина⁴, Д.А. Клеменс⁵ и проч.

Столь же произвольно и другое мнение: будто стоит нам захотеть принять какие-то «меры» и кочевое хозяйство отойдет куда-то в историческую даль, уступив свое место хозяйству оседлому, земледельческому, и мы будем видеть, вместо теперешнего «дикого кочевника» поднявшегося на следующую культурную ступень человека, перед которым отныне открыты все пути к развитию и культуре. И все это потому только, что, по нашему желанию, вчерашний кочевник-скотовод превратился в сегодняшнего оседлого земледельца. Как просто и хорошо!

И все это чистой воды вздор, наивный и в такой же степени невежественный. Изменение хозяйственных форм — охотничьих промыслов, скотоводства, земледелия, — переход от одной их ступени к другой, высшей — процесс, совершающийся в отдельных частях хозяйственной деятельности, при том мелких, молекулярный, незаметный для глаза, как незаметно для нас движение часовой стрелки; мы можем судить о нем лишь во времени, путем сопоставления хозяйства в различные моменты, разделенные между собою достаточным количеством времени. Всякий иной характер изменений в хозяйстве будет для него катастрофическим, потрясающим, чаще всего. И если это справедливо для отдельной отрасли хозяйства, то в гораздо большей степени — будет отвечать процессам, приводящим к переходам от одних форм к другим, от кочевого скотоводства, как господствующего вида хозяйства, определяющего самый быт населения, к оседлому земледелию. Мало того, последний переход не всегда и возможен, хотя бы и при условии какого то внутреннего перемещения частиц в хозяйстве, характеризующих молекулярные изменения в его строении. В большей, может быть, части того

же Казакстана естественно-исторические условия — климат, почвы, орошение, растительный покров и проч. — таковы, что никакого перехода к земледелию не может быть или может быть в той, относительно, незначительной части, которая за скотоводством все же оставляет преобладающую роль, а земледелие должно будет войти в какое то соотношение с кочевым хозяйством или, в данном случае — это тоже, — с кочевым бытом. Сравнительная этнография Казакстана в этом может быть лучшей порукой.

Но неужто же из-за того, что казахстанская или какая иная природа такова, что хозяйство может быть только скотоводческое и кочевое, население навсегда должно оставаться на низших ступенях культурного развития? Кочевой быт, сопряженный с постоянным передвижением хозяйства, уже сам по себе как бы враждебен культурному развитию кочевников, — школа, медицинская помощь, пользование библиотеками, музеями, театром и проч. И проч., что служит такими могучими проводниками начал культурного развития в народные массы, — все это вовсе несовместимо или совместимо в очень слабой степени с кочевым бытом, с необходимостью для кочевника большую часть года находиться в состоянии постоянного передвижения, без возможности сколько нибудь долго задержаться на одном месте. Не создает ли это условий, осуждающих во все будущие времена на состояние малого развития, некультурности, хозяйственной и всякой иной отсталости? Ведь, если это так, то участь всего кочевого населения не может рисоваться в особенно привлекательных красках.

На все подобные вопросы дает исчерпывающие ответы все та же этнография, как и некоторые другие отрасли положительного знания. Ведь степи, на которых мы встречаем в нашем Союзе кочевое хозяйство или как господствующую, или как преобладающую хозяйственную форму, свойственны не только одной нашей стране. Но всюду ли мы встречаемся с кочевым скотоводством и с кочевым бытом самих скотоводов? На том же Азиатском материке, где мы наблюдаем кочевое хозяйство у бурят, казаков (киргиз), можно встретиться с кочевым хозяйством во многих странах; достаточно напо-

нить Монголию, Восточный Туркестан, Персию и т.д. Но в австралийских степях, Аргентине, Бразилии, Канаде — нигде нет того, что принято называть кочевым хозяйством и кочевым бытом, и вместе с тем всюду в этих странах, где развито в широких размерах — относительно, гораздо больших, чем у нас, — скотоводство, хозяйство подвижное в том смысле, что во весь период подножного питания скот не остается на одном месте, а передвигается за кормом с места на место, захватывая под пастбища обширные пространства. Здесь кочует скот, но не кочует за скотом человек со всем своим хозяйством. Скотоводство ведется подвижное, по отношению к территории, а хозяйство, его разводящее, остается неподвижным. То же наблюдается во многих горных странах с развитым скотоводством, как та же Швейцария, где подвижное скотоводство сохранилось до наших дней.

Разница между тем и другим заключается в том, что при кочевом быте за скотом в поисках свежего корма передвигается и все хозяйство владельца скота; в странах, как Австралия, Аргентина и т.п., за скотом в тех же целях следует не вся семья владельца, со всем своим хозяйством, а лишь кто-либо из членов семьи и наемные пастухи, хозяйство же остается, как и вся семья владельца, на одном месте, где она живет вполне оседло и пользуется всем тем, что оседлость дает в культурном отношении. Разница между той и другой формой выпаса скота в сухих степных пространствах, особенно с точки зрения вытекающих разнообразных последствий из той и другой, колоссальная.

Таким образом, знакомство с этнографией скотоводческого быта обитателей сухих степей в различных странах убеждает, что скотоводчество, как основа хозяйственной деятельности населения, даже в таких неблагоприятных естественно-исторических условиях, какие свойственны сухим степям, где возможно только скотоводство, связанное с постоянной переменной пастбищ, кочевки населения со всем его хозяйством не являются неизбежными. Вполне возможна и широко применяется комбинация подвижного скотоводства при оседлом образе жизни самого скотовода и его семьи.

В высокой степени любопытно, что те же самые этнографические наблюдения среди русского казачьего населения бывшего Уральского войска обнаружили присутствие последних форм скотоводства и у уральцев. Здесь многие казаки войска вели обширное скотоводство степного характера, требующего передвижения скота по степным пространствам в течение девяти месяцев, сохраняя в полной неприкосновенности оседлый образ жизни: со скотом уходили отдельные члены семьи с наемными пастухами. Такая форма скотоводства уральцев не находилась ни в каком противоречии ни с другими отраслями их хозяйства — земледелием, рыболовством, — ни с оседлым бытом.

Этнографические наблюдения в области быта скотоводов сухих степей учат нас, что содействие развитию хозяйственных форм для населения, вынужденного условиями внешней природы к занятию скотоводством, соединенным с перемещением пастбищ, должно быть направляемо не в сторону перехода от скотоводства к земледелию, так как это, кроме потрясения хозяйства и обнищания самих скотоводов решительно ничего дать не может, а в сторону развития новых форм внутри самого скотоводческого хозяйства, его наибольшего приспособления к всесторонним интересам самого скотовода, вынужденного вести свое хозяйство в сухих степях. Это будет совершенно иная экономическая политика, чем та, проводниками которой в свое время являлись столыпинские землеустроители и колонизаторы из бывшего переселенческого управления, с таким успехом разорявшие кочевников и весьма часто не умевшие устроить на отнятых у кочевника землях пришедших из за Урала крестьян-переселенцев.

Мне не так давно пришлось установить ряд крайне любопытных фактов относительно казачьего хозяйства Актюбинской губернии. На одном-двух фактах этого рода я позволю себе остановиться здесь, как прекрасно иллюстрирующих мою основную мысль.

Среди степных кочевников повсеместно наблюдается своеобразное явление, которое можно назвать обычаем гостевания, состоящим в широком гостеприимстве, сопровождае-

мом угощением мясом и кумысом. Анализ казакского бюджета показал, что обычай этот не во всех экономических группах в одинаковой степени распространен, крепок и устойчив. При ближайшем рассмотрении оказывается, что в группах более мощных хозяйств он шире и крепче, в нисших — уже и слабее. Явление это выражается с большой правильностью и отчетливостью, возмущающей людей, безнадежно утративших способность к объективности. В чем же дело? Да только в том, что обычай гостевания не отделим от современных форм кочевого быта. Уничтожьте гостевание — и всякое общение, сношение степняков-кочевников станет абсолютно невозможным. Нравится нам это или не нравится, согласуется с нашими мнениями или не согласуется само по себе интересующее нас явление, это ни в какой степени не изменит дела, ни в своем внутреннем значении, ни в размерах. И в этом случае нас учит правильности понимания и оценки данного явления ближайшее ознакомление с кочевым бытом, уяснение его форм, их происхождения, развития и крепости. Другими словами, мы снова приходим к необходимости обращаться к помощи этнографии, без которой будем бродить среди чуждых нам явлений незнакомого быта, как в лесу, и даже хуже себя будем чувствовать, так как ощущение нашей полнейшей беспомощности в этом случае будет сильнее. И то обстоятельство, что значение и роль этого явления не во всех экономических группах одинаково, вытекает из самой сущности содержания и строения кочевого быта.

Нечто однородное наблюдается и в других отношениях при анализе казакского бюджета. Товарность и денежность казакского хозяйства обратно пропорциональна его мощности: чем экономически мощнее хозяйственная группа, тем товарность и денежность хозяйства будет слабее, и обратно*, и это находится в полнейшей согласии с бытом скотовода-кочевника, товарность и денежность хозяйства которого определяются его личным потреблением, размеры которого сами по себе весьма

* Тоже самое почти одновременно установлено для казакского хозяйства Уральской губ. Е.М. Тимофеевым: «Товарность сельского хозяйства Уральской губ. Ч. II. Товарность скотоводства. Изд. Уралгубплана. Уральск, 1927 г.

мало определяются его хозяйственной мощью. Ведь капитал его, все его накопление заключается в его натуральных формах — скоте. На сторону отчуждается или то, что идет на оплату чужого труда натурой — главным образом, труда пастухов, или на приобретение предметов, хозяйством не производимых: хлеба, чая, керосина и т.д. и т.д. Размеры этого потребления в весьма небольшой степени имеют соотношение с количеством содержимого тем или иным хозяйством скота, — некоторое отклонение составляют расходы на одежду: у богатых эта статья больше, чем у бедных, но и тут разница не представляет собою ничего разительного. А так как экономическая мощь хозяйства кочевника-скотовода определяется количеством скота, им содержимого, то естественно, что в высших группах расходы на потребление будут относительно меньше, чем в группах более слабых. Наибольшей денежностью будет отличаться самая низшая группа, которая извлекает чуть не все свои средства из продажи своего личного труда.

И так почти во всех случаях: не может быть правильного понимания экономики хозяйства, его оценки, его строительства без точного и детального знания и понимания той среды, в которой протекают хозяйственные процессы, а именно: естественно-исторических условий окружающих наблюдаемое хозяйство, особенностей самого хозяйствующего человека и его быта.

Правильное строительство всякого хозяйства, а тем более народного, как части мирового, не может не опираться на широкое разностороннее, точное знание. Знание является при этом тем фундаментом, без которого невозможно никакое серьезное планомерное строительство. И в ряду других видов знания не может не принадлежать крупное и видное место знаниям этнографическим. Поскольку хозяйственное строительство имеет дело с хозяйствующим человеком и формами его жизни, постольку оно не отделимо от этнографических знаний. И чем последние будут шире, глубже, точнее, тем при равенстве других условий сама хозяйственно-строительная деятельность будет протекать правильнее, а результаты ее прочнее и надежнее.

Примечания

¹ Полностью эта известная фраза у Л.Н. Толстого звучит так: «Гладко писано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним — ходить».

² Здесь и далее «Казакстан» и казаки — это Казахстан и казахи. «Казак» («Хасак», «кайсак») — это самоназвание казахов. До середины 1920-х гг. в литературе казахов именовали казаками, а также киргизами, кара-киргизами, казак-киргизами, киргиз-кайсаками, переноса на них самоназвание соседнего народа — собственно киргизов («кыргыз»).

³ Вероятно, имеется в виду Константин Антонович Вернер (1850–1902) — известный русский статистик, агроном, профессор сельскохозяйственной экономики Московского сельскохозяйственного института. Известен, в первую очередь, исследованиями сельского хозяйства юга Европейской России (Новороссии).

⁴ Федор Андреевич Щербина (1849–1936) — российский экономист, историк, кубанский общественный деятель, основоположник российской бюджетной статистики, член-корреспондент Петербургской АН, профессор Кубанского политехнического института. Эмигрировал в 1920 г.

⁵ Дмитрий Александрович Клеменц (Клеменс) (1847–1914) — известный русский ученый-этнограф, революционер-народник, исследователь Сибири. Во время проживания в Иркутске (1890-е гг.) был хранителем местного музея и правителем дел ВСОИРГО.

⁶ Этикетные нормы приема гостей и застолья у тюркоязычных народов имеют древние традиции. Хождение и приглашение в гости совершались по многообразным поводам и чрезвычайно часто. У казахов, ногайцев, башкир и татар изготовление масла, сыра, кумыса, забой скота по правилам хорошего тона должны были сопровождаться зазыванием соседей в гости. Гостевание — неременный и очень важный атрибут всех без исключения праздников. Принимать гостей по всем правилам гостеприимства было принято не только по праздникам, но и по другим поводам — свадьба, похороны, поминки, посещение округа или аула важной персоной или просто приезд знакомых и друзей.

Публ. и прим. А.М. Курышова